

17.10.2024, 16:53 Тульская область

РЕПОРТАЖ

«Даже не думал уйти оттуда живым». Репортаж о первых часах Алексея Москалева на свободе — рядом с дочерью

Давление на Алексея и Машу Москалевых началось в 2022 году, когда из-за антивоенного рисунка девочки на ее отца и его публикации в соцсетях обратили внимание силовики. Сначала за комментарии в поддержку Украины в «Одноклассниках» и во «ВКонтакте» и из-за картинок с карикатурами на Владимира Путина на Алексея завели административное дело о «дискредитации», позже — уголовное дело о «повторной дискредитации» армии. С тех пор Алексей был под домашним арестом и в бегах, находился в СИЗО двух стран и в тульской исправительной колонии, где его пять раз сажали

в штрафной изолятор. Его дочь Маша после тяжелой недели, проведенной в приюте, стала жить с мамой, которая не воспитывала ее с трех лет. За историей семьи следили в России и по всему миру. 15 октября Алексей вышел на свободу. У колонии его ждала дочь. Корреспондентка ОВД-Инфо встретила с ними спустя сутки после освобождения.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

«МЫ ВАМ ПОКАЖЕМ, КАКИЕ МЫ СОЮЗНИКИ»

27 марта 2023 года, за день до приговора суда по делу о «повторной дискредитации» армии (ст. 280.3 УК), Алексей Москалев бросился в бега.

Он рассказывает про это так: «Прокурор запросил два года. Суд прошел экстремально быстро, даже адвокат удивился. 28-го числа уже должны были вынести приговор. У меня оставалась одна ночь. Люди, с которыми я общался, сказали: „Алексей, тебя сто процентов закроют, у тебя есть последняя решающая ночь, чтобы уйти, думай“. Я сказал, что никуда не пойду без Маши. Они заверили: „Мы гарантируем, что привезем тебе Машу, вас двоих сейчас вывезти просто нет возможности“. Если бы они мне не дали гарантий, никуда бы я с места не тронулся без ребенка».

Люди, с которыми общался Москалев, вывезли его в Беларусь. Как говорит Алексей, они не дали ему выкинуть электронный браслет отслеживания, который установили сотрудники ФСИН, когда Москалеву избрали мерой пресечения домашний арест. После побега браслет срезали, но сказали, что выкидывать его — «плохая примета», а найти человека по браслету в другой стране не получится.

«Мы прибыли в Беларусь в половине двенадцатого дня, — вспоминает Москалев. — Вечером мы приготовились ко сну, переоделись. Я вышел посмотреть в окошко и вижу, что по соседскому участку ходят какие-то люди в камуфляже и с фонариками. У меня сердце забилося: что-то не то. Думаю, они нас вычислили по GPS, но немного перепутали адрес. Через пять минут они уже давай долбить в дверь. Слышу, хозяйка кричит: „Ребята, не выбивайте дверь, я сейчас открою!“ Открыла — они ворвались, всех постояльцев и нас в том числе положили лицом вниз. Приняли очень жестко, говорили: „Мы вам покажем, какие мы вам союзники, вы нас надолго запомните“».

СМИ тогда **писали**, что Москалева и его сопровождающих нашли из-за того, что Алексей включил свой мобильный телефон. Сам Москалев думает, что вычислили их по браслету. Людей, которые помогали ему бежать, он не винит.

Алексей Москалев на следующий день после освобождения / Фото: ОВД-Инфо

После задержания Алексея отвезли в белорусское СИЗО, где он находился следующие две недели.

«[Потом] меня стали депортировать. Не успели ворота открыть — стоит легковушка, рядом — четверо сотрудников КГБ в штатском, при мне с машины открутили номера, бросили их в багажник, заковали меня в наручники, посадили и повезли. Мы ехали до границы часа два с половиной, а там уже поджидали наши. Принимали две легковые машины. В одной — четыре фсиновца и четверо оперативника — в другой. Восемь человек меня сопровождали! Говорили: „Алексей, что ты совершил? Нас как по боевой тревоге подняли!“ Чувствовал я себя тогда, конечно, подавленным. Ничего не понимаешь, не знаешь, что будет происходить дальше», — рассказывает Москалев.

После возвращения в Россию Алексея на месяц отправили в СИЗО №1 города Смоленска, позже **перевели** в тульское СИЗО №1. Еще 28 марта, на следующий день после побега, суд **приговорил** Москалева к двум годам колонии. Летом, 3 июля прошлого года, ему **ужесточили** приговор, на два года запретив

администрировать любые интернет-ресурсы. В своем последнем слове Москалев попросил приговорить его к высшей мере наказания — и как можно быстрее привести ее в исполнение, потому что разлука с дочерью была для него невыносима. В феврале 2024 года апелляционный суд **смягчил** приговор на два месяца — до года и десяти месяцев колонии.

17 августа 2023-го Алексея этапировали отбывать наказание в исправительную колонию № 6 общего режима в Новомосковске — в ста километрах от Ефремова, где он прожил большую часть жизни.

Спустя полтора года после неудачного побега, утром 15 октября 2024 года, Алексей Москалев выходит за шлагбаум, отделяющий территорию колонии № 6 от свободы, и делает несколько шагов по изрытому ямами асфальту. До того, как вся эта история началась, — до рисунка Маши, до уголовного дела, побега, приговора и срока — волосы у 54-летнего Алексея были русые, едва тронутые сединой. Теперь они под серой тюремной кепкой абсолютно белые.

Алексей Москалев выходит из колонии / Фото: ОВД-Инфо

Алексей одет в робу, которая явно ему велика. Его лицо осунулось и постарело, а голос стал совсем тихим, надтреснутым, с хрипотцой. Крепкие, быстрые объятия с Машей, во время которых оба они отворачиваются смахнуть слезы, смущаясь камер. После недолгого разговора с адвокатом и группой поддержки, Москалевы садятся в машину, чтобы вернуться наконец в свою квартиру, пустовавшую все это время.

Отъезжающий автомобиль внимательно провожают взглядом полицейские, которые дежурят сегодня у колонии.

«БОЛЬШОЕ СЕЛО»

Ефремов — городок в Тульской области на 36 тысяч человек. Здесь много усадеб дореволюционной постройки — красивые купеческие дома, правда, некоторые сейчас в плачевном состоянии.

Днем в центре города совсем нет молодежи, нам встречаются только пенсионеры и изредка — мамы с колясками.

На крошечном городском рынке продают рыбу и овощи, с ведерками свежих яблок сидят закутанные в платки женщины.

Мы пытаемся поговорить с десятком людей, которых встречаем на улице. Хотим узнать, слышали ли они что-то об истории семьи Москалевых, которая два года назад прогремела на всю страну и даже за ее пределами. Прохожие либо говорят, что ничего про Алексея и Машу не слышали, либо, отведя глаза, торопливо шагают прочь.

«Москалевы, кто это такие вообще? Что-то знакомое вроде. Где слышал — не помню».

«Кто? Нет, не знаю».

«Нет-нет, не буду говорить. Я сказала — не буду!»

Отойдя от центра, выходим к тусклым рядам гаражей. Кто-то чинит машину, а около голубятни, расположенной между двумя

гаражами, расхаживают, раздувая шеи, голуби. Напротив них сидят и курят двое немолодых мужчин.

«Москалевы? Не, ничего про них не слышали, слухи как-то не доходили. У нас тут город — большое село», — говорит один из них.

Голубятня в Ефремове / Фото: ОВД-Инфо

Трехэтажное бежевое здание школы № 9, где до весны 2022 года училась Маша, совсем близко отсюда. Последние отзывы в Google, как и два года назад, — «Очень жалко Машу Москалеву. Никому не рекомендую эту школу», «Донесли на ребенка за антивоенный рисунок».

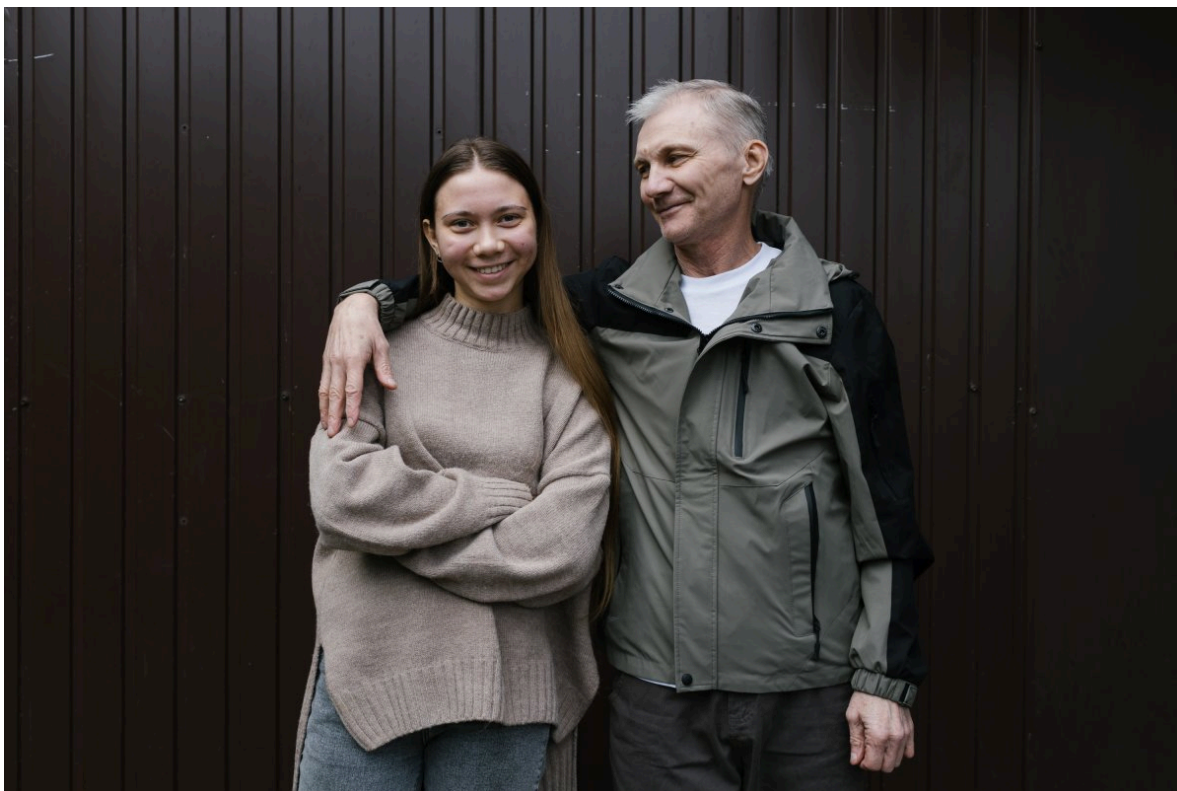
На [сайте](#) школы большая табличка «Герои спецоперации» и баннер «Народного фронта» со слоганом «Поддержим наших ребят на передовой!» — как и два года назад.

**«РАЗМИНКУ ДЕЛАЕШЬ, ЧТОБЫ
НЕ УМЕРЕТЬ»**

С освобождения Алексея прошли сутки. Мы встречаемся с ним и Машей в местном кафе «1001 ночь». В зале приглушенный свет, играет музыка. Официант, смуглый молодой человек с черными волосами, принес маленькие турецкие стаканы и, наливая чай, обращается к Алексею: «Поздравляю вас с освобождением! Я про вас в паблике читал».

«С одной стороны, вчера хотелось всех, кто пришел, обнять, — говорит Алексей. — С другой стороны, я не ободряюсь. В СИЗО Смоленска и Тулы ко мне несколько раз приезжали фээсбэшники. Они откровенно сказали, не таясь: „Алексей, ты же не думаешь, что выйдешь, и мы тебя в покое оставим?“ Поэтому я совершенно не могу сказать, что будет дальше. Переживаю не столько за себя, сколько за ребенка. Вот что они со мной могут сделать? Могут посадить. А ее — забрать».

Маша сидит рядом и внимательно слушает, что говорит отец. На ней тот же теплый свитер, что и вчера, когда она встречала его из колонии. За два года она тоже изменилась — вытянулась, превратилась из маленькой девочки в серьезного 14-летнего подростка с длинными русыми волосами.

Алексей и Маша Москалевы на следующий день после освобождения Алексея /
Фото: ОВД-Инфо

«У нас подъемы были в шесть утра, а в ШИЗО — вообще в пять и после — шестнадцать часов на ногах, — вспоминает Алексей. — Разминку делаешь, чтобы просто от холода не умереть. Вчера я Машу предупредил, что рано ее подниму. Выспаться мы так и не успели, пока вещи разбирали, распаковывались — легли только в двенадцатом часу. Утром я встал, зарядку сделал, подошел к ней, а она так сладко спит — ребенок устал, она ведь ехала издалека, столько не спала. Не могу, сердце кровью обливается, думаю — пускай поспит!»

Из Тамбовской области, где Маша жила с мамой, они вдвоем с волонтером выехали затемно. Она говорит, что перед поездками обычно неважно себя чувствует — так было и в этот раз.

«[Когда мы уже приехали], я была довольно спокойна, хоть и знала, что могло что-то случиться. Я просто ждала, что мы его встретим и поедем домой», — она наконец расслабленно улыбается.

Сегодня, 16 октября, Алексей уже сходил отметить в полицию и встретился с несколькими знакомыми.

«Конечно, [чувствую] радость, что оказался на свободе, — тихо говорит он. — Но я снова попал в эту атмосферу: с одним человеком пообщался, с другим, с третьим — понимаешь, что дела-то у нас в России не очень. Идут репрессии со всех сторон, прижимают предпринимателей, очень тяжело».

Алексей и сам был предпринимателем — держал павлинов, фазанов, диких уток и кроликов. Говорит, очень любит декоративную птицу. Всех их он раздал перед своим арестом. Сегодня пришел на то место, где жили его любимцы.

«У меня там участок, где я предпринимательством занимался, гараж и вагончик, клетки для птиц, — говорит Алексей. — Сейчас у меня мысль только одна — навести порядок на моих объектах, а дальше уже посмотрим. Без хозяина все заросло и осиротело».

Недалеко от этого места стоит пятиэтажка, где находится квартира Алексея и Маши.

Улица Ефремова / Фото: ОВД-Инфо

«Квартиру мы обнаружили в ужасном состоянии, — сокрушается Алексей. — Там без нас были. Телефонов, которые лежали на компьютерном столе, нет. Прибор с антенной для моего электронного браслета тоже пропал. То есть кто-то заходил и все это забрал. Думаю, у нас там сейчас прослушка».

Алексей пока старается с людьми общаться поменьше, и если уж говорить с кем-то, то только с теми, с кем еще на воле поддерживал теплые отношения. Вчера соседи, увидев, что семья вернулась домой, хотели поговорить — отказался.

«Понимаете, — вздыхает он, — когда все это [давление на нас] началось и Маша уже была в приюте, ее нужно было как-то отбивать, адвокат сказал, что попробует пройтись по соседям, чтобы они написали, мол, семья хорошая, знают ее много лет, никаких претензий нет. Он пошел по подъезду — думаете, кто-то согласился? Или родственники — родной дядя и двоюродный брат, которому я отдал свою птицу — в самом начале

я обратился к самым близким, чтобы они хоть на неделю забрали Машу, а за это время ей бы нашли жилье. Отказались».

«РЕБЕНКА К ПОЛИТИКЕ ПРИУЧАЕТЕ!»

Между арестом Алексея после депортации из Беларуси и моментом, когда Маша снова услышала его голос, прошло девять месяцев. В СИЗО у Москалева не было телефона, а в ИК № 6 в Новомосковске ему несколько месяцев не выдавали карточку для звонков «Зонателеком».

«Звонить было очень волнительно, — вспоминает Алексей первый разговор с дочерью после долгого перерыва. — Думаю, как я сейчас позвоню Маше, как она услышит мой голос, что будет происходить? Ну, позвонил, а у самого сердце бьется. Слышу, Маша говорит: „Алло“, — еще не знает, кто ей звонит».

«Я говорю: „Маш?“ — И в трубке пауза, тишина. Повторяю: „Маша, это я“. Ка-ак она начала плакать! Я ей: „Машенька, милая, успокойся“, — бесполезно. Так ничего и не успел ей сказать — кончились 50 рублей на карточке, Маша все их проплакала».

Маша Москалева приехала встречать отца со своей собачкой / Фото: ОВД-Инфо

Во второй раз отцу и дочери удалось поговорить, а после третьего звонка карту для звонков заблокировали, и звонить стало невозможно. Алексей — в оперотдел, писать заявление с просьбой решить проблему. Сотрудники удивились: «Вы что, не знаете причину блокировки? Вы же ребенка к политике приучаете!» Так они интерпретировали рассказ Москалева о том, какие журналисты и блогеры пишут ему письма в колонию.

«Я несколько раз приходил, просил, уговаривал: ребят, ну разблокируйте, я эту карту столько ждал! Что вы делаете, я ведь даже с ребенком поговорить не могу! — впервые за время нашего разговора Алексей повышает голос. — Все-таки они пошли мне на уступки и по пятницам разрешили звонить. То есть не каждый день, как всем, а один раз в неделю — и то не каждую пятницу, потому что не всегда подключали телефон.

Иногда так ждешь этого дня — как манны небесной. Думаешь, ну все, я сейчас Маше позвоню наконец. Смотришь — телефон заблокирован. Приходишь в оперотдел, чтобы сказать, а их нет на месте. Пятница прошла — опять ждать неделю. Но помогло, что в этом мае приехала на осмотр московская комиссия. Заключение записывались к ней со своими вопросами. Я тоже записался и рассказал, что у меня карта заблокирована и я не могу с единственной дочерью поговорить. Сказали: «Хорошо, разберемся»».

Как только комиссия уехала, Алексея вызвали в оперотдел. Там сотрудники кричали на него и возмущались, что он жалуется. Но карту разблокировали — с тех пор он снова мог звонить Маше каждый день.

Позже, по словам Алексея, комиссия прислала документ, который подтверждал, что факты нарушений со стороны колонии действительно были и «для телефонных переговоров нет никаких ограничений».

«НИКТО НЕ ХОТЕЛ ОГЛАСКИ, ЧТО Я У НИХ УЧУСЬ»

Пока Алексей находился в заключении, Маша жила с мамой, Ольгой Ситчихиной, ее мужем и единоутробной сестрой в селе в Тамбовской области. В июле прошлого года Ольга **рассказывала** ОВД-Инфо, что ее задел **публикации** некоторых СМИ о том, что она просила отправить дочь

в социально-реабилитационный центр и не собиралась оттуда забирать.

«Я все это читала и видела комментарии, якобы мама отказалась от дочери, — это ложь! — говорила она. — Было обидно и смешно. <...> Когда Маша была в приюте, я была на вахте и не могла выехать, поэтому сказала: „Отработаю и обязательно приеду за дочерью“. Вернулась домой, и мы с мужем сильно заболели гриппом. Ко мне приезжали с „Юности“ (реабилитационный центр — *ОВД-Инфо*), они прекрасно видели, в каком я состоянии. В это время Маша ушла в себя, с ней работали психологи, поэтому я подписала документы, чтобы ее не отдавали в детский дом и меня не лишали родительских прав...»

Маша Москалева с мамой весной 2023 года / Фото из соцсетей Ольги Ситчихиной

Спустя год, когда я вновь попыталась с ней поговорить и узнать, поедет ли она вместе с дочерью встречать из колонии бывшего мужа, Ольга коротко ответила:

«Меня не интересует, кто там выходит и когда, на ваши вопросы я отвечать не буду, больше сюда не звоните».

Маша говорит, что время, проведенное в другой семье, прошло «спокойно», и она рада, что впервые «познакомилась с мамой» и лучше узнала сестру. До этого они общались мало. Дважды за полтора года Маша ездила в летний лагерь.

«Там меня все знали, — рассказала она. — Читали в новостях. Но дети, да и не только дети, сейчас агрессивно относятся к такому [оппозиционным взглядам]. Меня там почти все по фамилии называли. Приходили девочки из моего отряда, спрашивали про рисунок. Ну и я поняла, что их отношение к этому отрицательное. С одноклассниками из своей школы я совсем не общалась [после случившегося]».

Еще в 2022 году, после скандала с антивоенным рисунком в школе Маша перешла на домашнее обучение и когда переехала к маме, в новую школу не пошла — говорит, что сама так захотела, потому что не видела смысла тратить лишнее время на дорогу. Кроме того, по ее словам, все окрестные школы отказывались ее принимать:

«Никто не хотел огласки, что я у них учусь. Мы связывались с местными властями — они обещали разобраться, но это не помогло. Но, по-моему, домашнее образование намного лучше. И все равно я бы вряд ли с кем-то общалась в школе, даже если бы туда ходила».

«СМОТРЕЛИ КАК НА ПРОКАЖЕННОГО»

Первые минуты нашего разговора приходится сильно напрягать слух, чтобы не переспрашивать у Алексея каждое предложение. Он говорит совсем тихо, будто вглубь себя. Объясняет, что в заключении нужно вести себя «как мышка серая», заключенные обычно говорят вполголоса.

«В моем отряде было примерно 60 человек. Моих взглядов был только один. Не скажу, что остальные готовы были меня разорвать, но смотрели косо. Со мной сидело много военных. Особенно много — из Курской и Брянской областей, и такого

их количества, как в последние три месяца, я не видел. Перед моим выходом некоторые ребята — завхоз и дневальный — сказали, что, когда меня привезли в колонию, их вызывали в оперотдел и наказали, чтобы они со мной не общались. А где-то за месяц до выхода человек шесть-семь допрашивали обо мне: о чем я разговариваю с заключенными, есть ли у меня негативное отношение к войне и Путину. Думаю, они искали компромат на меня, хотели за что-то уцепиться».

Алексей рассказывает, что при нем в колонии сменилось пять начальников. Предпоследний из них был единственным, кто отнесся к Москалеву с пониманием. Едва заступил на должность — вызвал к себе. Говорил вежливо, сказал, что читал про их с Машей историю.

«Он мне сказал: „Вы в интернете моложе выглядите“. Говорю ему, что тюрьма никого не молодит. Он спрашивал, чем дочка занимается, рассказал, что у него самого три дочери. Нормальный человек. Буквально за две недели до моего ухода уволился», — вспоминает Алексей.

Забор колонии общего режима № 6 в Новомосковске / Фото: ОВД-Инфо

За время заключения у него серьезно подорвалось здоровье. Зрение, которое до ареста было нормальным, резко испортилось. Алексей говорит, что старался «экономить его», чтобы отвечать на письма.

«Медицинской помощи там нет практически никакой, к медику попасть почти невозможно. Он — человек пожилой, ему за семьдесят, даже на осужденных не смотрит. Если посчастливилось попасть к нему в кабинет, он сидит и говорит, глядя в стол: „Фамилия, на что жалуешься, что болит?“

Дневной свет там практически не гасят — он горит день и ночь, к тому же, наверное, сказались нервы. Адвокат хлопотал долгое время, чтобы меня отвезли на обследование к окулисту в Тульскую областную больницу. Туда меня одного конвоировали четверо сотрудников — я был в наручниках, на метровой цепи. Люди сидели, ждали своей очереди к врачу и смотрели на меня как на прокаженного. Это было ужасно.

Если честно, я даже не думал уйти оттуда [из заключения] живым. Там созданы все условия, чтобы человека подавить, чтобы он заболел, переболел и умер».

«ЗАМЕРЗАЛ — ПРОСТО СТРАХ»

В штрафном изоляторе Алексей провел в общей сложности два месяца. По закону находиться в ШИЗО можно не более 15 суток, но этот срок могут постоянно продлевать. ОВД-Инфо **выпускал** большой материал, где бывшие политзаключенные рассказывали про пыточные условия российских ШИЗО. Все собеседники называли холод в изоляторах самым тяжелым испытанием.

Говорит про это и Алексей:

«Как я там замерзал — просто страх. Подвальное помещение, на мне легонькая летняя курточка, размер камеры два на один, ты стоишь шестнадцать часов, и сесть невозможно, потому что металлическая лавочка была ледяная. Когда меня впервые посадили на ШИЗО, матраца не было, спать приходилось на арматуре, а там не больше 12 градусов. Каждый день приходили инспектора, каждый день я говорил им: дайте что-нибудь из теплой одежды, я замерзаю. Ответ один: „Не положено“. Где-то через месяц моих постоянных требований все-таки выдали чей-то грязный рваный свитер. Я и этому был рад».

Владимир Билиенко, адвокат Алексея, **объяснял**, что критериев, по которым можно решить, отправлять ли человека в штрафной изолятор, не существует. По его словам, «сотрудник, особенно если он специально проинструктирован своим начальником, может превратить жизнь осужденного в подобие ада».

Алексей Москалев и адвокат Владимир Билиенко / Фото: ОВД-Инфо

В первый раз Алексея отправили в ШИЗО за опоздание на утренний подъем. Потом — из-за того, что он не представился «по форме». В третий раз — потому что не держал руки за спиной, выходя из камеры, когда сотрудник попросил его вынести остатки еды. Еще одним поводом стало, что Алексей облокотился на руку, сидя за столом. Повод для пятого взыскания Москалев сейчас уже не помнит.

«Со мной сидели ребята, которые вели себя, как говорится, развязно, — рассказывает он. — К ним не было никаких претензий. В моем же случае это делалось специально, чтобы придраться».

Камеры штрафного изолятора были одиночными или на несколько человек. В ШИЗО заключенного лишают звонков и свиданий с близкими, он не может получить передачу и даже попасть к врачу. Курить там тоже запрещено. В одной из камер, где сидел Алексей, из-за этого случился бунт.

«Больше месяца я находился в тесной одиночной камере два на один [метра]. Потом меня пересадили в более просторную на четверых. Там были молодые горячие ребята за двадцать лет. В ШИЗО им левыми путями приходили сигареты, потом перекрыли этот путь — сигареты перестали поставлять. Тогда они решили поднять бунт. Начали выламывать полы, выбивать металлические двери, подняли дебош, били в „кормушку“, сняли с себя одежду и подожгли ее. Ужас просто!

Я сижу и думаю: что же нам за это будет? Вдруг приходит сотрудник, открывает кормушку, берет огнетушитель и — прямо в камеру! Все в тумане, этот порошок стоит и не оседает, я думал, что задохнусь там.

После этого, чтобы подавить бунт, приехали восемь омоновцев с дубинками и в масках. Всех, кто устроил этот дебош, вывели в коридор. Один из тех, кто сидел со мной, когда понял, что его сейчас тоже будут выводить, схватил лезвие... все было залито кровью. Инспектор открывает: «Выходите», — а он ему показывает руку. Тот говорит: «Да мне срать на тебя, хоть весь кровью изойди, я на таких насмотрелся».

Нас вывели в коридор, поставили к стенке с вытянутыми руками, и так мы стояли около полутора часов, а омоновцы ходили между нами. Я подумал, что если сейчас начнут бить — мне достаточно двух ударов по почкам. Но обошлось».

«ЗНАКОМЫЙ НАМ ВСЕМ А.»

«В СИЗО цензура [на мои письма] как-то меньше обращала внимание, — говорит Алексей. — Там мне в неделю приходило необычайное количество писем, штук 60 в неделю, и я старался на все отвечать. Бывало, сотрудник, который приносил письма, говорил: „Мы на весь СИЗО несколько писем несем, а вы — замучили с во-от такими пачками!“ В колонию тоже приходили письма, но уже не в таких количествах. Думаю, туда письма доходили не все».

Особенно Алексей ценил, когда ему отправляли новости. Те, что присылали в письмах, очень разнились с теми, что показывали по телевизору. Он их очень ждал и с волнением читал каждое письмо, в котором была хоть какая-то информация о том, что происходит на свободе.

По словам Москалева, благодаря такому письму он узнал про убийство Алексея Навального и испытал глубокий шок, но еще больший — когда прочел, сколько дней политик провел в СИЗО. Человек, который ему об этом написал, побоялся упоминать фамилию, просто написал: «Знакомый нам всем А.».

«Больше всего меня поражали новости о репрессиях. Смотришь и диву даешься — на бабушку семидесятилетнюю, которая в интернете высказалась, уголовное дело **завели**. Думаешь: боже мой, оставьте хоть бабушку в покое! Или о военных — один вернулся и девочку **изнасиловал**, другой — **убил** жену. Думаешь: что же вы творите, какой ужас. „Собеседник“ закрылся, моя любимая газета. Добрались и до нее.

Я ходил в церковь, там есть парень, который читал молитвы, наш, ефремовский. Я ему один раз дал их [письма с новостями почитать], и он после этого каждый день говорил: «Почта еще не приходила? Ты мне приноси, если что». И я, пока не освободился, носил ему эти заметки. Он понимал, что этого не покажут по телевизору».

Алексей Москалев показывает свой нательный крестик / Фото: ОВД-Инфо

Алексей с фотографом выходят из кафе, где мы сидим, на улицу, и мы с Машей остаемся вдвоем. Я спрашиваю, не кажется ли ей, что папа изменился за все то время, что они не виделись.

«Вчера я встретила папу, и теперь все так, как и должно быть, — уверенно говорит Маша. — Папа не изменился, нет, абсолютно! Я изменилась за это время — стала серьезной.

Конечно, с нами произошла ужасная ситуация. Но вокруг меня появилось столько людей, которые все это время поддерживали — волонтеры, журналисты, просто люди, которые интересовались нашей историей. Мне много писали. С двумя я общалась почти каждый день — это [адвокат] Владимир [Билиенко] и еще один человек, который стал мне как крестный».

Маша Москалева и Владимир Билиенко / Фото: ОВД-Инфо

По словам Алексея, он пока не решил, что будет делать с черной тюремной робой, в которой его накануне выпустили из колонии. Утром Маша пошла выносить мусор, а ее отец сидел и раздумывал — может, и робу сразу выкинуть? Но пока она так и лежит у них дома.

Марина-Майя Говзман

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ